
23 8/54.

ИВ. АЛЕКСЕЕВ (НЕБУТЕВ).

Из воспоминаний левого эсера.

(Подпольная работа на Украине).

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ.

МОСКВА — 1922 г.

Ив. Алексеев (Небутев).

Из воспоминаний левого эсера.

(Подпольная работа на Украине).

Гиз.—МОСКВА—1922 г.

Р. В. Ц. № 1770. МОСКВА. Тираж 5.000 экз.

5-я Типо-лит. М. С. Н. Х. „Мосполиграф“. Чистые пруды, Мыльников пер., 14.

Военная организация П.С.Р. в Немецкой оккупации.

I.

В Одессе.

Четыре месяца, существования Одесского Совета, после ухода Большевиков, были месяцами — мытарств, унижений и постоянных сделок с совестью.

Обрабатывали рабочих настраивая их против большевиков, которые фактически находились в Советской оссии. Призывали рабочих к „выдержанности“ по отношению к реакции, принесенной на штыках австро-немецкого командования.

Боролись с тем чего не было. Сгибались перед тем, что давило.

Наконец не хватило терпения даже у этого состава исполкома. Наше предложение о ликвидации совета прошло.

Это был июнь—июль месяц. На Украине царила щенная реакция. Карательные немецкие отряды ездили езда в уезд. Артиллерийским огнем сносились целые зни. Героическая вспышка Николаевских рабочих повлекла за собой жестокую расправу. За Николаевом последовали: Херсон, Очаков, Звенигородка.

Из городов восстания перебраеывались на село.

За оруже брались старики и женщины. Молодые мужчины прятались в лесах и там организовывали отряды.

Бравшиеся за оружие очень часто не верили в свою победу. У них, очень часто, не было никаких шансов на успех. Но и терпеть не всегда хватало силы.

Отбирали хлеб. Уводили коров и лошадей. Расстреливали: за подброшенную винтовку, за то что кто нибудь назвал тебя большевиком. Насиловали женщин. Стариков пороли шомполами.

Другого выхода, как умереть с винтовкою в руках не оставалось.

Они выступали, а с ними беспощадно расправлялись.

Когда-то мы предвидя все это, и организуя Совет думали, что ему придется быть средоточием всех революционных сил, отражающих натиски реакции, т. е. сыграть ту же роль, что и в первые моменты его возникновения в пятом и семнадцатом годах. Но этого не случилось. Коммунисты оставили его через месяц после возникновения, а к концу отошли и левые с.-р-ы. Наша фракция состояла из ультра правых, по нам равнялись и меньшевики.

Совет стал не нужен и даже вреден, как лишняя иллюзия демонстрирующая легальность и мы приступили к его ликвидации.

По закрытии совета—каждый полез в свою скорлупу. Меньшивики перебрасывали свои силы в больничные кассы и профсоюзы. А мы начали организовывать военный отдел. Мысль об этом созрела давно, но нам мешал комитет, а теперь мы его решили игнорировать.

Я Иосиф Грабянко и Елена Грабянко выработали положение об организации, наметили состав лиц, которым можно сделать предложение—вступить в нее и распределили роли.

Денег для начала работы я достал одну тысячу рублей из совета. Это были гроши, но пока приходилось мириться со многим и в частности с безденежьем.

Квартиру сняли на Коблевской ул.—Дом большой. С утра и до вечера, во двор и со двора ходят люди. В конспиративном отношении лучшего нельзя придумать. Хозяйкой квартиры сделали Рейномен. На нее же возложили службу связи и паспортное бюро.

Установили дежурство. Выработали пароль.

Большевикоедство у нас в комитете было так модно, что оно распростронялось и на свои опозиционные круги. Слово „большевик“ подвешивали при нужде и без вся-

кой нужды, к каждому, кто не принимал позиций покорности. А большевизм и авантюризм в их толковании, были синонимы.

Приступая к работе мы авансом согласились на приятие по отношению к себе и слова—„авантюристы".

Комитету доложили о своей работе тогда, когда уже сформировались. Отнеслись к этому в комитете неодобрительно. Погорячился Шрейдер, покачал головой Харито, но нас не распустили. Каждый зажил своей жизнью. Мы—себе. А они—себе. Изредка заходили делали доклады и расходились опять.

В Воронцовском дворце украинская и Австрийская контр-разведки. Думали свои силы испробовать на них.

План простой. Мы знаем расположение дворца. Вход Двор. Сад. Все знаем. Надо пронести туда перекселин. Заложить его в подвале под одну из стен. Поджечь шнур и.... выйти.

А, остальное „приложится".

Оттуда недавно выехал совет. Там еще остались кое кто из старой прислуги. Я иду возобновлять знакомство. Кругом шпики. Подозрительно оглядывают. Большинству из них известно, что я председатель совета. Но что из этого! Правый эс-эр не ахти, как страшно!

Грабянко меж тем ведет переговоры со специалистом подрывником. Для взрыва какой мы предполагаем сделать нужно оказывается не менее пяти пудов перекселину. Это меняло положение. Правда пронести его ночью через сад не трудно. Но у нас небыло денег. А за пуд перекселина надо уплатить три тысячи рублей. В нашей кассе всего двести.

В конце-концов пришли к заключению, что намеченный объект не стоит таких больших затрат.

Собирательный период военного отдела продолжался сравнительно не долго. Каждый приносил, что мог. Через неделю две мы имели небольшой запас оружия и пятьдесят штук перекселиновых шашек. Недурно организовали паспортное бюро.

Нам во многом помогли рабочие.

Пробу своих сил сделали на немецком карательном отряде. Сведение о его движении получили от железнодорожников.

На 8—10 часов раньше мы выехали из Одессы. Это первый наш дебют.

Обследовали полотно дороги. Выбрали место под уклон.

У нас подразделение труда. Одни на карауле. Другие обследуют и делают углубление под полотно, куда должны лечь шашки. Один из третьей пары в приготовленное под полотном место закладывает шашки, вставляет капсюль и протягивает шнур в кусты к шестому сидящему с индуктором. На все это ушло не более пяти минут.

В ожидании поезда удаляемся от полотна. Изучаем место отсупления и отдыхаем.

Но вот и поезд. Ближе и ближе. Видны уже каски солдат. Доносятся отдельные голоса. Вот паровоз наехал на то место где заложены шашки. Продавил полотно и создал нужное сопротивление—для взрыва. Пора.... шестой нажимает кнопку индуктора. Оглушительный треск. Паровоз оторвался от вагонов. Вагоны наскакивают друг на друга. Некоторые падают под откос.

Шум и крик. Общая растерянность. Сумерки. Мы под покровом их бежим.

Возможно, что оставшиеся в живых скоро доберутся до кустов, где мы лежали. Туда их может привести шнур. Но нас они не найдут. Мы основательно изучили место отступления.

Спуск под откос поезда с немецким карательным отрядом был лишь одним из эпизодов военной работы, организации.

Военный отдел быстро разростался. Мы начинали проникать всюду. На почте была связь. Почтовики производили выемку из казенных пакетов и давали нам ценные сведения. На железнодорожном телеграфе тоже были свои люди. Это дало нам возможность в момент железнодорожной забастовки стать в ея центре. Пользуять аппаратом мы разослали по путям телеграмму о поддержке забастовки всеми способами. По отношению к штрейбрекхерам рекомендовали бойкот. На насильственное

привлечение к работе предлагали отвечать массовым саботажем.

Уделяя всей этой работе максимум внимания, мы тем не менее, не считали ее основной и принимали ее скорей как средство воспитания революционных кадров. И, поэтому придавали большое значение личному участию в проводимых боевых и военных актах.

Перспектива для нас была ясна.—Осенью при сборе урожая, с новой силой, завяжется борьба. Немцы будут брать хлеб. Крестьяне откажутся его давать. К этому времени и требовалось подготовить инструкторов руководителей, проверенных на опыте, чтобы потом их можно было разбросать по Украине.

Общая цель создания Военного Отдела таким образом определялась упорной подготовкой, к большому массовому движению крестьян.

Для полноты осуществления возложенной на себя задачи у нас не хватало только материальных и финансовых средств.

Военный отдел окончательно сформировался, когда к нам приехал из Киева Пашутинский.

Он член Всеукраинской Военной Организации. Высокий. На улице заметно выделяется. Всегда ест фрукты и оглядывается по сторонам. Это он проверяет нет ли за ним слежки.

У него много денег. Но организации он их не дает.

С ним приехали Миша и Коля. Они утверждают, что Пашутинский талантливый организатор и хороший боевик. На нас пока он такого впечатления не производил.

Нас удивлял его подход к работе. В большинстве случаев он проводил ее через наемных лиц. Его окружали часто, какие то подозрительные босяки. Чтобы смягнить впечатление он называл их анархистами. Его взаимоотношения с ними имели тоже много странного.

Перед выполнением того или иного акта они подолгу и старательно торгуются. Набавляют и скидывают. Расходятся и сходятся опять. Как на базаре. В том случае если сделка состоится, он дает задаток.

На все была своя цена. Взрыв железнодорожного полотна стоил дешевле взрыва моста—и т. д.

Получившие задаток иногда его обманывали. Иногда обманывал он.

При таком способе работы подпольная романтика не только вытеснялась прозой, но и сама проза оказывалась слишком прозаичной.

Пашутинсктй предложил мне поехать для работы в Киев. Я с радостью принял это предложение. В Одессе без риска для себя и организации работать я не мог. Не так давно я там обслуживал профсоюзы кучеров, домашней прислуги и смотрителей дворов. Это—виды труда, расбросанные по всему городу. На каждой улице и чуть ли не в каждом доме рискуеш встретиться с знакомыми. И плюс к этому по Совету знают и рабочие более организованных профессий.

Через меня таким путем, легко могла провалиться вся организация. Поэтому я легко принял предложение об отъезде. Не возражали против этого и члены Военного Отдела.

Через несколько дней я уехал в Киев.

В статистическом отделе Киевской Городской Управы я розыскал Аню Кныш. Мы незнакомы, но у меня был к ней пароль. Через нее я связался с Германом. Герман член „тройки“ возглавлявшей Всеукраинскую организацию, командирован комитетом. Он молодой. Энергичные движения. В голосе звучит уверенность. Производит выгодное впечатление.

Мы говорили мало. Я информировал его о возникновении и состоянии Одесской организации. Высказал свои сомнения о роли Пашутинского.

Герман мне сказал, что он скоро уезжает на Дон вести переговоры с Шрейдером, возглавлявшим там Южно-Восточный Комитет Учредительного Собрания.

В курс дел меня должен был поэтому ввести доктор Пыжов, только, что подошедший к нам. Но Пыжов спешил и мы условились с ним только об одном, что я еду обратно в Одессу ликвидировать свои дела и через несколько дней возвращусь в Киев.

В Одессе произошел взрыв пороховых складов. Много жертв. Пострадали преимущественно жители окраины—беднота.

По дороге в Одессу у меня явилось подозрение в том, что это дело рук нашей организации. Оно еще более усилилось, когда мне сообщили по прибытии в Одессу, что боевик—Григорьев арестован на улице в день взрыва с перекселиновой шашкой в кармане. И только встреча с Грабянко рассеяла эти предположения.

Но зато случилось другое: провалились наши явочные квартиры. На центральную из них приходили клиенты Пашутинского. Он нанял их взорвать, какой-то мост и не уплатил денги. А дал адрес штаб-квартиры и сказал, что там уплатят. Вот они и пришли. В случае неуплаты угрожали выдать.

Все возмущены поведением Пашутинского. Грабянко Елена выезжает в Киев настаивать на отзыве его из Одессы.

А тут еще облавы и массовые обыски. Это в связи со взрывом складов.

Все эти удары Одесская организация перенесла бодро. Внутренне и внешне она перестроилась легко и скоро. И уже через несколько дней привела себя в полную пригодность к работе.

В день своего отъезда из Одессы я почувствовал за собой слежку. Два шпика провожали до квартиры.

Уезжая я попросил Шуру передать организации, что мы под подозрением.

II.

В Киеве.

Когда я приехал в Киев, то Германа уже там не было. Он уехал на Дон.

Из руководителей старого сотава остался один Пашутинский, только, что возвратившийся из Одессы. Через него я и начал знакомиться с Киевской организацией и ея отдельными работниками.

Центральная квартира находилась на Владимирской 103. Привел меня туда Степной.

В комнатах табачный дым—не продохнуть. На полу плевки и окурки. Некоторые из них успели пожелтеть от времени. На столе своеобразный винигрет.—Здесь смешались в одну кучу—селедка, огурцы, яблоки, книжки и газеты. Этот художественный пейзаж дополняют неубранные кровати, из под которых торчит грязное белье

уживающееся в соседстве с еще более грязными и мокрыми сапогами.

В этом очаровательном павилионе живут: Пашутинский, Гамза, Александровский, Вертаньин (Демиденко), Степной и изредка заходит Зубок.

Гамза упражняется в писании стихов. У него слишком грубые, чтобы не сказать больше, остроты. Когда он говорит остальные смеются. Одни заискивающе, другие снисходительно, в зависимости от занимаемого положения.

Александровский—сосредоточен, аккуратен, предупредителен. Он служит во Французском шпионаже. Когда то его послали в Москву для связи с ЦК ПСР и Французским консульством. Он у последняго получил деньги на работу по шпионажу и приехал „с средствами“. Комитетом он исключен из партии, но продолжает жить на явочной квартире.

Пашутинский растянувшись на кровати читает новую поэзию.

Между ними волчком и заискивающе кружится Степной. Он пробует острить, но кроме жалких потуг ничего не удается.

В этот день они все были голодны. У Пашутинского случайно не оказалось денег. Все с воем набросились на меня, хотя мы были еще не знакомы. Я дал им семьдесят рублей. И вот начался подлинный Содом. Крики и визг, спор—кому итти за хлебом. Тянут жребий.

И это подпольная квартира революционеров!—думалось тогда.

И как это не похоже на Одессу!

Мне такою представлялась, когда-то знаменитая Московская Хитровка.

Начинаю подбирать работников. Из старых сближаюсь с группой железнодорожников, с Зубком, Солодубом, Надей Волковой и Аней Кныш. Из новых втягиваю: Буксеева, Зброжека, Попеля и Колю. Два последние работали в правительственной типографии. Раньше они эсерствовали, а теперь Петлюровствуют. В организацию я их не ввожу, а уславливаемся, что время от времени они будут печатать присылаемые мною прокламации. Через них же связался с телеграфом.

Между всем этим составом лиц поделили роли.

Ане Кныш, Соне Бергер, и Наде Волковой поручили службу связи. Они подыскивают для заседаний квартиры, устанавливают порядок очередности пользования этими квартирами, хранят сведения и сводки, адреса провинциальных организаций и ключи от шифра.

Пархоменко заведует паспортным бюро.

Буксеев изучает Киев. Он берет на учет все проходные дома. Заносит на карту расположение воинских частей и правительственных учреждений.

Группа железнодорожников проводит местный саботаж.—Уничтожает смазочные вещества, засыпает песок в буксы, растапливает без воды паровозы, переводит стрелки.

Городская группа уничтожает средства связи—и создает кадры руководителей боевой работы.

Почтовики и телеграфисты обслуживают нас тем, что дают сведения о положении дел на Украине и о настроениях в высших сферах.

Провинциальная группа работает по взрыву полотна железной дороги. В ея задачи входит не пропускать карательные отряды и грузы.

Зубок выехал в Черниговщину. При помощи местных работников ему удалось экспроприировать с Шостенского порохового завода 40 пудов перекселиновых шашек и других взрывчатых веществ. Доставить экспроприируемое в Киев предполагали на лодках, груженных сверху яблоками. На эту операцию не хватало только денег.

Мы с Пашутинским встречаемся в саду против университета. Здесь я получаю для организации инструкции, здесь же он изредка дает по одной—две тысячи руб. на командировки разъезжающимся боевикам.

Семь дней назад, он обещал на завтра принести деньги и с тех пор пропал. Ни в саду, ни на Владимирской не появляется.

Я пошел к Наде Волковой с тем чтобы через нее связаться с Пашутинским.

Надя у нас преданная и беззаветная работница. Она медичка. Ее никто не знает, кроме двух трех лиц. Работу

несет мелкую и кропотливую. Ни имени, ни положения. Одни лишь тернии получает она от сотрудничества в организации. Но она добросовестней всех относится к своим обязанностям. И если не она то едва ли кто другой поможет мне Пашутинского найти.

Но по дороге к Наде я неожиданно встречаю и виновника своего визита—Пашутинского.

Между нами произошло крупное объяснение. Я сказал, что привлекаю его к партийному суду.

Денег у него уже не было. Проконтролировать я его не мог. Приходилось ждать Германа, на приезд, которого я возлагал свои надежды.

Пашутинский заявил, что он оставляет Киев и направляется по губерниям в объезд, для проверки работы на местах.

Тем лучше—решил я.—Пусть едет.

Казначеем у нас т. Сухомлин. Есть ли у него деньги я не знаю. Не имею и адреса его квартиры. После отъезда Пашутинского я попросил Аню Кныш чтобы она к нему сходила за деньгами. Дал записку. Мы незнакомы, но ему известно, что кроме меня в Киеве больше никого нет. Аня возвратилась и сообщила, что Пашутинский перед отъездом взял последние деньги. Касса пуста.

Одесса и Чернигов запрашивают денег. Киевская организация начинает замирать. Мы тщетно целую неделю бились над разрешением финансовой проблемы. Куда не повернемся—тупик.

В городе находилось Датское консульство. По нашим сведениям, там много лежит денег, спрятанных на всякий случай буржуазией. Произвели обследование, но результат плохой.—Шестьдесят—семьдесят процентов за то, что лушие боевики на такой экспроприации должны погибнуть, прикрывая отступление. А худшие неизвестно, как используют, такой дорогой ценой доставшиеся деньги. От этой мысли надо было отказаться.

Я предложил другой план—связаться с коммунистами, придти к ним с докладом от какой нибудь за фронтовой организации выдать себя за коммуниста и попросить денег для этой мифической организации. Мой план приняли и мне же предложили его провести.

На последние триста рублей, вырученных от продажи скарба, Кривобородов заказал печать Бессарабского комитета коммунистической партии большевиков.

Буксеев отправился в поиски связи с коммунистами. А я засел за карту Бессарабии и начал изучать по ней название уездов, городов, местечек и сел. Когда закончил с этим начал по плану изучать город Кишинев, название улиц и их расположение. Закончил я свое ознакомление с Бессарабией „записками губернатора“—кн. Урусова.

Через пять дней проделав предварительную репетицию я направился по тому адресу, который за это время Буксеев получил.

В комитете компартии я делаю доклад о состоянии Бессарабской организации.

Незадолго до этого в Бендерах произошел большой взрыв. Приписываю его в свой актив. Это мол мы его произвели.

Говорю, что мы стоим в Бессарабии накануне грандиозного вооруженного восстания. Заканчиваю: нужны деньги.

Перед товарищем Николаем, которому делаю доклад лежит моя фотографическая карточка. На обороте ея мандат, на право ведения переговоров. установления связи, получения дирректив и денег. Подписи. Печать. Дата. Я коммунист. Фамилия моя Голубев. Карточка измята и потрепана. Это значит: при переходе через границу она была куда-то спрятана или зашита.

Тов. Николай спокойно выслушал доклад. Пожал руку. Выразил радость и удивление работе и ея розмаху.

Настали торжественные минуты ожидания. Я сгораю от нетерпения скорей получить деньги. Ни „входящих“ ни „исходящих“ еще в ту пору не было, и поэтому ожидать исполнение бумаги не приходилось.

Но... что это? он неожиданно встает и говорит— „зайдите завтра“. Мою карточку положил в карман. Не даром ли я изучал Бессарабию—подумал я.

Мы любезно простились.

У себя в организации я доложил о результатах переговоров. Постановили, что на завтра надо пойти и закончить это дело. Других источников поддержки организации нет.

На тот случай если меня примут за шантажиста, со мной идет и Кривободров. Он остается внизу, у подъезда гостиницы, с письмом от Военн. организации с.-р., в котором излагается вся сущностъ дела. В опасные для меня минуты я открываюсь коммунистам и говорю, что внизу есть товарищ с письмом адресованным организацией на их имя. А дальше в зависимости от условий решаю вопрос на месте. Во всяком случае мы постановили, что если дело примет такой оборот, то не отказываться от денег; если представится возможность получить их в порядке партийных взаимоотношений. Ибо характер нашей работы по существу не отличался от того, что делали и коммунисты. По крайней мере пока не отличался.

От своего комитета мы условились это скрыть.

На следующий день я пришел в комнату, где помещается нужный мне коммунар. Волнуюсь. В работе бывает это со мною очень редко.

Внизу остался Кривободров. Условились, что если я через час не возвращусь, он войдет туда с письмом от организации.

Дверь закрыта. Стучу. Открывает ее незнакомый молодой человек. Вчера я его не видел.

За большим письменным столом сидит т. Николай. Перед ним опять лежит моя фотографическая карточка. Он сдержаннее и холоднее чем вчера. Поздоровались. Он делает движение рукой в сторонку незнакомого мне молодого человека и говорит: „знакомьтесь—это товарищ из Кишинева“. А сам пронизывает меня взглядом. Я обомлел. Такая встреча была не из особенно приятных.

И до сих пор остается загадкой, где он мог его за ночь розыскать.

Во всяком случае нужно было выпутываться из положения. Я мог еще надеяться на то, что он такой же кишиневец, как и я, но установить правильность предполагаемого можно только разговором.

С полминуты длилось неловкое молчание, я чувствовал, что нарушить его должен я; ибо им не к спеху. Они заняты наблюдением за тем, какое впечатление произвела на меня неожиданная встреча,

Не сумевши подобрать в голове соответствующие положению слова. Я механически произнес, первые попавшиеся на язык

— А вы тоже наш?

— Нет не Ваш — отрубил он — я член Коммунистической партии.

Я уже начал приходить в себя... Первая растерянность прошла. Придавая своему голосу иронический оттенок спрашиваю:

— Не хотите ли Вы этим сказать, что кроме Вас нет больше коммунистов.

— Нет я хочу сказать, что Вы не коммунист, — продолжает он упорствовать.

— Ну это уже слишком. Надо уметь и доказать то, что говорите.

— Да я докажу.

— Пожалуйста. Это очень любопытно.

— Вы когда из Кишинева.

— Две недели.

— Где помещается Ваша организация.

— Я живу в Дубосарах, под Кишиневым, Братин на Павловской, а Сизов на Александровской.

— Вы давно работаете в Бессарабии.

— Нет. С марта месяца. Ехали с фронта и задержались.

— Почему Вы назвали свою организацию Бессарабским Комитетом.

— Так как комитета в Бессарабии не было мы его и организовали в порядке Революционной инициативы.

— Да это верно. Комитет эвакуировался уже в феврале.

Во мне прибавилось уверенности. Я угадал.

А кашиневец продолжает наступать.

— Вы не знаете, как работают в Кишиневе Профсоюзы.

— Да ничего, работают, — уклончиво ответил я и добавил — только условия для легальной работы тяжелые.

— Не слыхали ли Вы, что в Профсоюзах много коммунистов?

— Слыхал что есть, но что их там много не знаю.

В наш разговор вмешивается т. Николай. Он спросил меня где я работал раньше. Отвечаю — в Петрограде. И так как здесь то я был правдив, то на все последующие вопросы давал вполне удовлетворительные ответы.

Деньги получил. Просил сто тысяч, дали пятнадцать тысяч руб. Поздней обещали дополнительно прислать еще.

На столе продолжала лежать моя фотографическая карточка, Я протягиваю к ней руку. Тов. Николай не дает „не стоит — говорит он — мы перешлем ее в Москву“,

— Нет, это же мандат возражаю я. У Вас его могут захватить при обыске, тогда неизбежен провал и Бессарабской организации. Нельзя. Карточку взял. Это последняя победа. Ухожу.

Внизу прогуливается Кривободров. Я прохожу мимо, не обращая на него внимания. Он понял. Перешел на другую сторону и идет в том же направлении, что и я.

На следующий день мы отослали Кривободрова с письмом к т. Николаю. В письме изложили сущность дела и заверили, что деньги будут израсходованы исключительно на революционные цели.

Телеграфист сообщил, что с Юга Украины, должны проследовать шесть маршрутов с хлебом и фуражем в Германию. Это первые. А за ними предполагается систематический вывоз хлеба.

На линии Казатин-Жмеринка, Казатин-Бердичев и Бердичев-Ровно мы выслали три группы.

Одну под руководством Зброжека, другую—Подвижного и третью—Буксеева.

Через Шуру я отправил три тысячи рублей в Одессу.

И в Киевской и в местных организациях наблюдалось большое оживление. Связь с местами окрепла.

Но в этом оживлении работы почувствовались и некоторые симптомы провала. Однажды прибежала взволнованная Соня Бергер и сооообщила, что у Нади Волковой идет обыск. Нади не было дома. Она уехала к подруге в гости и должна скоро возвратиться. Аня Кныш организовала у вокзала караул, с тем чтобы при приезде перехватить ее на дороге и не допустить на курсы, где она неизбежно будет арестована. Таким путем арест Нади удалось предотвратить.

На Владимирской -103 продолжали праздновать. Каково их отношение к организации ни кто не знал. Использовывались они Пашутинским непосредственно. Но когда и как, оставалось загадкой. Там создавались раз-

личные проекты, которые никогда не претворялись в жизнь. Писали стихи, которых никто не читал и вообще отдыхали.

Мы эту квартиру игнорировали. Изредка по моим поручениям бывал там Зброжек.

Игнорировали мы и Киевский областной комитет. Мы знали, что он никогда не даст своей санкции на все те акты, которые выполнялись боевиками. Умеренный по своему составу он не как и ни за что не мог уйти в подполье. Многие из них были бы не против, если бы кто-нибудь вдруг без „эксцессов“ произвел переворот в пользу учредительного собрания. Они кричали бы такому герою осанна. Но этого не могло быть. Большинство из них понимало, что чудес не бывает, и что падение Скоропадского не знаменует собой господство „Третьей силы“. А понимая это оно предпочитало остановиться на позициях нейтралитета по отношению к борющимся силам. Советы к этому времени отрицались не только, как форма власти, но даже и в их первоначальном виде — Совет, как классовая организация.

Прежде дерективы от комитета мы получали через Пашутинского, а с его отъездом связь порвалась окончательно до приезда Германа.

Приехал Герман. Встретились мы в Александровском саду. Наш разговор начался в самых дружеских тонах. Я передал ему о всех плюсах и минусах организации. В заключение высказал и те предположения, при помощи которых можно устранить внутренние недочеты. Все вопросы ставил практически. Политически казалось не о чем и говорить. Само существование—Военной организации в подполье и при условиях все шире и шире развертывающейся реакции—определяло и ее политическую сущность. Так казалось тогда. А через несколько минут я уже разочаровался в правдивости этого предположения.

Герман свой доклад построил так же опуская из него вопросы политические. Между нами как-будто установился молчаливый сговор.

Насколько не изменяет нам память, он поехал для переговоров с Шрейдером. Я слышал о результатах переговоров с генералом Добрармии Романовским.

Он просил у Романовского разрешения на формирование при Добрармии эсеровских отрядов, которые находились бы под общим добровольческим командированием, но с сохранением некоторой внутренней автономии. Заботу о снабжении этих отрядов должна была взять на себя добровольческая армия. Она же должна была отпустить первоначальный кредит на формирование.

Генерал отказал. Но у Германа еще сохранились надежды на то, что он может передумать.

Переговоры происходили в присутствии Румынского атташе, чему он придавал большое значение, так как на этом делал ударение, желая повидимому произвести на меня впечатление о своих успехах.

Не получив от ген. Романовского удовлетворительного ответа, а главное, денег, или получив их очень мало, он связался через третьих лиц с неофициальным союзническим представительством при добрармии и подал ему соответствующую смету. Здесь переговоры шли удачней. Ему обещали утвердить смету чуть ли не до миллиарда руб. в месяц и дали „немного“ денег. Кроме того они сделали на наш „вид труда“ определенные заказы.

Запас его информации не исчерпался этим. Оказывается он приехал с Дона не один, а в обществе нескольких офицеров и в частности один из них Чекалин — „пережил потрясение в личной жизни и жаждет какого-нибудь общественного подвига“. Так вот этому потрясенному и жаждующему подвига человеку он предлагает выкрасть Раковского, а с ним и других более видных членов Советской делегации, для того, чтобы потом держать их у себя в качестве заложников.

Такова была в общем сущность сделанного Германом доклада.

В заключение он спросил меня, не желаю ли и я принять участие в поимке Раковского. Я ответил резкостью.

Между нами пробежал холодок. Дружеский тон, которым был начат разговор, прервался.

— Не думаете ли Вы, Иван Яковлевич, что все затронутые Вами вопросы глубоко принципиальны и требуют по меньшей мере санкции комитета, спрашиваю я.

— Глупости, разве мы не знаем состав своего комитета. Фрумины и Скловские просто дрожат за свою

шкуру. У нас на все имеется разрешение и санкция Ц. К. Центральный комитет знает нашу работу в точности и одобряет ее—возразил он.

— Ну, а вот Раковский, ведь за ним и так гоняются несколько офицерских банд, так неужели Вы находите возможным для себя солидаризироваться с этим хулиганьем.

— Офицеры-то может и гоняются, но для нас от этого нет пользы никакой.

Дальнейшие убеждения напрасны. Мы разошлись не условившись о новой встрече.

Через неделю после приезда Германа организация приняла и внутренне и внешне новый вид. Появились незнакомые доселе лица, на явке встречаешься всегда с офицерами.

Из разосланных мною групп подрывников, одна вернулась. Руководил ею Буксеев. Я передал ему мой разговор с Германом.

— Что ты думаешь делать, спросил он.

— Да вот познакомился с Брауном, рассказал ему о наших непорядках. Браун смотрит на все оптимистически и говорит, что на совете партии все исправится, а Военную организацию распустят. Значит пока остается одно—бороться с пришлыми. Ответил я.

— Ну, ну. „Дай Бог нашему теленку волка съесть". Борись, а я не буду. Если же когда-нибудь ты вздумаешь на Германа поставить террористический акт, то я тебе помогу. До свиданья.

На следующий день я получил от него записку с извещеньем о том, что он уезжает в Советскую Россию.

Новая встреча с Германом у меня произошла на квартире Камиллы Ивановны. Он потребовал подробный отчет о работе. И предложил на будущее время вести запись №№ испорченных вагонов и паровозов. Это уже было верх цинизма, когда он обосновал свое требование тем, что союзникам без подробных отчетов не дадут больше денег.

Помимо всяких принципиальных соображений из этого требования об отчетах вытекало то, что боевики лишались права на побег—эту единственную форму

самозащиты. Взорвавши полотно, они должны стоять на месте, чтобы записать № опрокинутого паровоза.

Я ответил, что никаких заказов, ни от кого, ни один из нас не примет и не будет исполнять.

Я пошел от Камиллы Ивановны в комитет и, встретившись с Брауном подал ему заявление о выходе из партии, но он убедил меня взять до совета партии заявление обратно. Я согласился.

Целыми днями ничего не делаем, кроме того, что ведем длинные политические дискуссии. Собираемся у Камиллы Ивановны по 10—15 человек и открываем диспут. Я, Жорж, Белоруссов, Воробьев, Пархоменко, Аня Кныш и изредка показывается Сологуб. Все мы в той или иной степени изобличены в „неблагонадежности" и чистая публика относится к нам с заметным подозрением.

Организация окончательно преобразилась. Кто только сюда не приходил! Полная коллекция всех оттенков антисоциалистической мысли. От либеральной демократии, до самой матерой реакции. Все здесь находили себе место. Для полного ансамбля не хватало напрактиковавшихся погромщиков, но скоро появились и они. Раз возмущенная Аня Кныш рассказывает, что к ней на явку пришли два офицера. Спросили Германа. А потом вдруг заявили, что, судя по рассказам Германа, они были лучшего мнения об организации, а теперь при личном ознакомлении с нею к своему ужасу нашли, что здесь 50% жидов.

От союза Возрождения вошли к нам капитан Павлов и какой-то генерал, фамилии которого я не помню. Крамольный дух подпольщины стал быстро вытесняться. Его сменили иные настроения. Если раньше кто бравировал своей революционностью, то теперь наблюдается обратное. Обращаются друг к другу: господин генерал, господин полковник. Прапорщика называют капитаном. капитана—полковником и т. д.

На первом же заседании я поставил вопрос о съезде организаций. Возражали Герман и Чекалин. В своих возражениях они приписывали мне желание сорвать работу.

Провалив мое предложение и продолжая закреплять линию новшеств они предложили избрать, для руководства работой пятерку с диктаторскими полномочиями. В

состав этой пятерки вошли Герман, Сухомлин, Павлов, Кудря и, несколько дней позднее, представитель комитета Инжеевский.

С каждым днем больше и больше организация начинала принимать реакционно,—черносотенный характер.

Германская революция явилась новым условием, толкавшим на пересмотр своих позиций.

Часть боевиков отказалась от работы. Другие замкнулись каждый сам в себя. Барахтаются и копошатся. Перетряхивают свой идейный багаж. Ищут каждый сам себя. Вопрос о выходе, для большинства уже решен; некоторые еще колеблются. Я ищу связь с левыми с.-р-ми, для передачи им всего аппарата в целом, но они после Эйхгорновского акта, так глубоко законспирировались, что найти их не столь легкая задача.

На совет партии меня от Военной организации не пропустили. Закончился он не победой оппозиционных кругов, а их поражением. Военную организацию взял под свое высокое покровительство приехавший в это время Бунаков. Он призывал примириться со всеми ее „недочетами“ и помнить, что она только ставит конкретно вопросы борьбы с Советской властью. „А в злоупотреблениях ведь обвиняли в свое время и Гершуни“.

Единственно, что принес с собою Совет партии так это вхождение от комитета в нашу „диктаторскую пятерку“ Инжеевского. Но и от этого пользы было мало. Ассимилировался и он. Приходил. Молчал. И уходил.

Пронеслись слухи, что в Одессе ожидается высадка союзнического дессанта. Наша „пятерка“ активно готовится к встрече интервентов. Выехать в Одессу предполагал вначале сам Герман. А позднее решено было направить полковника Липеровского и полковника Михайлова. Выехал же только первый. Там под покровительством французского командования они должны были начать формирование своих частей.

Практическая работа в Киеве остановилась со дня нашего отказа принимать „заказы“. Организация ждала своих дней и союзников. А пока: ходили и заседали. Говорили. Строили планы. Прожигали жизнь.

Герман в большинстве случаев приезжал на „конспиративную“ квартиру в автомобиле, что наводило на размышления о его связи с правительственными сферами.

Германа окружили родственники. Они тоже эс-эры и тоже боевики.—Образ жизни ведут и спокойный и широкий.—Не подполье, а масленица.

А плюс к этому поджидали поручика Егорова, который должен был привезти деньги. Его уже давно послали для связи с Ц. К. и союзнической миссией. Время и вернуться.

„Жили хорошо и ожидали лучше“.

Несколько удивлял нас комитет. В летний период его отношение к В. Ор. было оппозиционней. После же совета партии наступило, как-будто, перемирие. Политически это понятно. Новый состав организации пойти „на большевистские авантюры“ не мог. Карательные отряды под откос спускать не будет. Его практическая работа не расходится с тактикой партии в политике. И тем не менее мы в праве были ожидать, что Комитет откажется от организации, в которую пришли братья Коварские, полковник Параделов, еще полковник, еще полковник и еще полковник. Но этого не случилось.

Комитету в это время задавал тон только, что приехавший член Ц. К. Тимофеев. И нельзя сказать, чтобы этот тон отличался большой ясностью. „Не с Интервенцией, не против интервенции, а помимо интервенции“ писал он. Ну, а как помимо, спросил я.—Так, не с ними и не против их был ответ.

— Но мы же не на луне, тов. Тимофеев. Однако он неумолим. Военная организация сделала собственно только расшифровку этому запутанному положению. Помимо—значит с ними.

Пока же в ожидании Союзников ведутся переговоры с польскими легионерами П. П. С.—„В хорошем хозяйстве всякая дрянь нужна“.

Кто-то кому-то дает деньги. Мы полякам, или поляки нам не разберешь. Дружба, да и только.

На заседание явился весь „цвет“ организации. Не пришли еще Павлов, Кудря и Илья Минор.

Заседание открыл Герман. Я прошу слова. Герман стучит кулаком по столу. — Тов. Небутев, я Вас призываю к порядку, это Вам не совдеп.

— Я до сих пор полагал, что это и не жандармское управление, — подаю я реплику.

— Тов. Небутев, я Вам не дал слова.

— Вы еще и не избраны председателем.

— Тов. Небутев, я Вас прошу удалиться с заседания.

— Да я сейчас это с удовольствием сделаю.

В благонамеренном обществе поднялся ропот. Пред ними производить демонстрацию глупо. Желая выяснить отношение к этому вопросу представителя комитета я спрашиваю. — Вы меня лишаете слова по личной инициативе или постановлением пятерки. — Постановлением пятерки, был ответ.

Я вышел один. Жорж, Белоруссов и Петров безмолвствовали. Представитель комитета тоже.

На следующий день Герман приехал ко мне на квартиру от имени пятерки с извинениями, но я просил квартирную хозяйку его не впускать.

Через день, я с боевиками, квартирами и аппаратом связи перешли к левым с.-р.м.

Через неделю я получил письмо от Грабянко. Она писала, что вся одесская организация целиком перешла также к левым эсерам.

С уходом от правых с.-р. мне еще долго пришлось вращаться в магнитном поле Военной организации.

В работе заключался и мир личной жизни. Никаких других близких и знакомых не было. Все они так или иначе втянуты были в работу. И вращаясь в их среде я в сущности вращался среди людей, имеющих или имевших отношение к В. Ор.

Кудря и Павлов, не выдержавши этой атмосферы сбежали на фронт и примкнули к Петлюровским повстанцам. В. Организация приняла резко выраженный тип белогвардейской банды. Она, как проститутка, могла продать себя кому угодно только лишь не большевикам и не левым с-р.

Каков был ее финал предугадать нетрудно: Герман с добровольцами скрылся за границу.

Квартиру Камиллы Ивановны стали эксплуатировать левые с.-р. Боевики в большинстве пошли на повстанческую работу.

Пред моим отъездом из Киева мы собрались у меня в квартире с тем, чтобы подвести итог работе. Проезжающий в Винницу Буксеев зашел к нам. Он ни к кому еще не примкнул. Мы рассказали ему о последних днях нашего бытия в Организации. Его душили слезы.

Это у всех нас был первый глубокий психологический кризис. — Первый отход от партии, работы, в которой отданы были самые лучшие порывы.

Пришли какие-то Вандалы; вытоптали все, — разрушили. Посмеялись сатанинским хохотом. И сказали: перемени маску, мы тоже устраиваем маскарад. Откажись от прошлого; разбей своего Бога. Мы уже взяли часть твоего „я“ и куда бы ты ни пошел, кусок твоей жизни преломленный в энергию останется у нас и заставит мысль твою еще и еще возвращаться к той полосе жизни где ты принял замаскированную мишуру за социальную правду.

Мы долго сидели молча и подводили печальный итог.

Сотни товарищей погибли на Украине на боевой работе. И, все это оказалось, для того, чтобы потом кто-то в пространном отчете претворил героические порывы в деловые цифры, за которые союзники дают деньги.

Со стены глядели на нас портреты Перовской, Желябова, Михайловского и Каляева. И казалось они разделяли нашу злобу; понимали нас.

Через пару недель я встретился с Грабянко. Она рассказала о своем разрыве с Одесским Комитетом.

Бунаков из Киева проехал на Ясское совещание. Возвратившись в Одессу он большую часть времени проводил у Ка—Де. Как то удалось его затянуть в свой комитет. Грабянко потребовала отчета о Ясском совещании; вопросы она ставила ребром: Договаривались ли Вы с Союзниками и Милюковым о едином фронте против большевиков. — Договаривались. А за этим следует целый поток разъяснений.

Это был ее последний дебют у правых с.-р. Она и вся организация за исключением Рейномен отошли от партии.

А Киевский комитет начинает подмигивать Петлюре.

Несмотря на все свои недостатки, он покладистый. При каких угодно положениях может существовать легально.

— „А пятна и на солнце бывают“, сказал мне при встрече Сухомлин.

Да еще какие!

III.

В Петлюровском подполье.

Я в Киевском областном к-те партии левых с.-р. получаю последние распоряжения:

„Выезжайте немедленно в Жмеринку и начните работу по организации восстания, с тем, чтобы при наступлении большевиков на Киев расшатать внутреннюю устойчивость петлюровцев и деморализовать тыл.

— Денег в распоряжении комитета нет, с получением мы их перешлем“.

Я попросил, чтобы вместе с деньгами были присланы военные карты и хотя незначительная часть оружия и пероксилиновых шашек.

На этом наша беседа закончилась и я ушел.

Через три часа отбыл поезд.

Вещей на дорогу не взял. — Они связали бы свободу движений.

В Жмеринке я явился к В. Зеленину и С. Деревенскому, вместе с которыми и должен был повести дальнейшую работу по собиранию своих сил. Говорить мне с ними не пришлось, так как в это время открывался селянский съезд района, тяготеющего к Жмеринке. Мы пошли туда.

В бывшем царском зале, вокзального помещения собралось сто двадцать представителей крестьян. Тут Каменец-Подольские, Винницкие, Проскуровские и даже есть от Бирзулы. Приехали отовсюда, куда проникла весть о съезде.

Созван был съезд по инициативе Жмеринского Совета, который и формально и фактически существовал.

Оповещение было слабое, чрез попутчиков, полулегально и потому такое широкое представительство не могло не удивить.

Съезд проходил с большим подъемом. Положительная сторона украинского крестьянства — их активность. В то время, когда другие молчат, хотя думают так же, как и они, украинские крестьяне берутся за оружие и борются с противником. Отпечаток этой активности лежал и на работе съезда. Они уже пережили за этот год Раду, немцев, —Павло Скоропадского и, наконец, недобрая сила нанесла еще Петлюру. Больше не хватало сил терпеть, и они открыто требовали общего призыва к восстанию.

Вечером обмениваясь впечатлениями и взаимной информацией мы условились сговориться с коммунистами и боротьбистами об организации Ревкома.

Власть фактически в наших руках. Местный гарнизон состоял из крестьян повстанцев. Он предан Революции и возглавляется лицом, состоящим членом нашей партии. А комендант местечка Балицкий, назначенный правительством Петлюры, не имеет в своем распоряжении никакой реальной силы.

Во время этих рассуждений к нам вошли т.т. Снегов и Лесовик. Первый из них Коммунист и второй боротьбист. С ними мы окончательно условились об организации ревкома. В конструирование его вложили принцип паритета.

Я, согласно постановления нашей фракции, должен был на завтра выехать в Киев за деньгами, оружием и военными картами.

На следующий день мы все участвуем в работах съезда. Он уже фактически заканчивается. Некоторые представители разъехались. Мы поджидаем делегатов от рабочих и воинских частей, которые должны были притти для обсуждения вопросов внутреннего характера и главным образом об охране совета.

Часов в пять вечера раскрылись с шумом двери. Входят военные. Никаких знаков отличия на них нет. Нас удивляет — почему их много и почему они вооружены. Делегатов от военных должно было притти не более, как десять человек. Но наше недоумение скоро разъяснилось.

Это с поездом из Винницы прибыл петлюровский отряд для разгона местного совета.

У дверей поставили караул. Вход к нам свободен, а от нас никого не пропускают.

Командный состав, не зная хорошо в какой обстановке он находится, действует осторожно и провокационно, желая повидимому нас вызвать на эксцессы и получить в свои руки лишний козырь. Он прямо объявить войну не решался, чувствовалась зависимость от своих солдат. Мы запротестовали против караула. На их требование распустить совет и подчиниться директории В. Зеленин дал горячую отповедь.

В наших рядах первое замешательство прошло. Мы начинали переходить в наступление. А командный состав начавший со словесного боя, должен был теперь его довести до конца, так как в первом обмене репликами он потерпел поражение.

На скамейках сидели солдаты и рядом с ними их начальство. На против их сгрудились мы. С нашей стороны полились горячие призывы. Солдаты им внимали. У многих рты раскрылись в улыбку. Караул отошел от дверей и тоже слушал. Если бы в этот момент, командный состав вздумал объявить нас арестованными, то мы арестовали бы его опираясь на тех же солдат. Но он этого не сделал. Извинившись пред нами петлюровцы ушли.

Нам из этого визита надлежало сделать вывод — мы бросились в глаза, нас заметили. Надо торопиться.

Вечером я уехал в Киев.

В Киеве я прежде повидался с боевиками и поднял среди них вопрос об экспроприации из Датского консульства. Они соглашались пойти в том случае, если на это будет разрешение комитета.

В областной к-т. я ехал уже с готовым предложением поставить экс, если они еще не нашли денег.

Встретил меня Громов. Выслушав мой доклад, он одобрил наш план действий. Предложение же об эксе отклонил и сказал, что проведет его своими силами. Адрес объекта записал, взял и план расположения дома.

„Через четыре дня вы получите все“, говорил он мне подавая руку.

А вечером я сделал доклад президиуму обласкома. Здесь доклад общего одобрения не встретил. Большинство находило неправильным, то что мы допустили в Жмеринский ревком вхождение коммунистов. Да еще на паритетных началах в то время, когда у них там не было ни одной яркой и интеллектуально сильной фигуры. В качестве руководящей директивы они дали мне: „Организуйте ревком без коммунистов". На это в свою очередь ни соглашался я.

Для нас было не важно, сильные илислабые будут в ревкоме коммунисты. Больше того, мы предпочитали иметь слабых, так как это делало нас тогда хозяевами положения. Но мы не могли без коммунистов поднимать восстания, так как это ослабило бы нашу силу — нам нужна была их марка. Я указал на все это комитету и сказал, что в этом вопросе мы оставляем за собой свободу действий и поступим так как этого потребуют обстоятельства момента. Президиум с моими доводами согласился и обещал через 4 дня выслать деньги и карты.

Из комитета я заехал на квартиру за вещами и в тот же день сел в поезд на Одессу.

Железнодорожное сообщение было плохо. В Жмеринку я приехал на следующий день вечером.

Станция освещена скверно, темно. Ни прибегая к помощи носильщика я направляюсь прямо в круглый зал — помещение Совета.

Но что это?...

Дверь закрыта. Огни погашены.

Подпольная работа развивает осторожность и наблюдательность. Я понял, что если бы за это время ничего не изменилось, то там горели бы огни, а первая дверь была бы открыта, как и в день моего первого приезда.

Меня в Жмеринке почти никто еще не знал. Я направился в камеру хранения ручного багажа — сдал вещи. Потом без труда разыскал на вокзале одного товарища железнодорожника, с которым был знаком и от него узнал, что в день моего отъезда в Киев, президиум совета арестовали. Зеленин, Деревенский и Лесовик отвезены под стражей в Винницу. Наш полк расформировали, а командир полка арестован.

Не рассуждая долго я послал нарочного в Киев, с сообщением о случившемся, а сам с этим же поездом выехал в Одессу.

Одесская организация была сильна и я думал получить от нее людей и средства. Но оказалось, что она ни того, ни другого дать не может, поэтому через день я возвратился в Жмеринку.

В квартире священника Боржковского я снял комнату. Прописался по документам Алексеева, как кооператор. Работать стал под фамилией Небутев.

Немедленно я приступил к формированию ревкома. Одному из членов старого президиума совета коммунисту Снегову удалось избежать ареста. Я вступил с ним в переговоры. От левых с.-р. я предполагал ввести в ревком т. Маниловского. — Это влиятельный среди железнодорожников рабочий. Колеблющийся между нами и боротьбистами. Иду к нему сделать предложение.

На квартире Маниловского ожидал меня сюрприз. Из Киева приехали Блюмкин, Андреев и Бутяев, кроме них приехали два боротьбиста — Литвиненко и Наталочка Луценко.

Областной комитет и им так же, как и мне, кроме обещаний ничего не дал. Но хорошо уж было то, что он усилил этот район работниками.

Здесь же мы постановили произвести на следующий день, среди железнодорожников, большой митинг. Оповещение о митинге рабочих поручили Маниловскому. Выступать должны были я и Блюмкин. Андреева и Бутляева мы оставили в резерве, для военных операций, а Литвиненко и Наталка имели на следующий день серьезный разговор с военными и пойти на митинг не могли.

Расходясь по домам мы увидели на заборах новые приказы коменданта. Прочли... Под страхом расстрела рабочие обязываются этим приказом сдать оружие. Мы условились с Блюмкиным, что темой для выступления на митинге возьмем; „рабочий, не сдавай оружия“.

В четыре часа в главных мастерских жмеринского узла собралось до двух тысяч рабочих. Все озлоблены. Петлюровская директория шла по пути гетманщины и германской оккупации. Вся периферия была отдана произ-

волу ловких проходимцев, которые делали то, что диктовало им собственное самодурство. Приказ о разоружении создал атмосферу крайнего раздражения.

Первым выступал Блюмкин. Говорил долго, красиво, резко и удачно. За Блюмкиным говорил я. Нас сменили рабочие. Один за другим поднимались они на верстак и клялись, что оружие от них можно получить только с бою.

Этот митинг показал нам, что рабочие с нами. Нужно только не пропустить время и не выпустить из своих рук инициативу.

На объединенном заседании трех фракций левых с.-р., коммунистов и боротьбистов был окончательно сконструирован ревком. Вошло по два представителя от каждой фракции. От нас—я и Блюмкин, от коммунистов—Снегов и Урланд, от боротьбистов — Литвиненко и Price Наталка. Председательствование возложили на меня.

После того, как ревком был уже сконструирован, Блюмкин поднял на фракции вопрос о том, что мы якобы превысили свои полномочия тем, что в ревком пустили коммунистов. Поднялся спор. Блюмкин пытался доказать нам, что мы левые с.-ры лишь по интуиции и совершенно не охватываем тех задач, которые по существу ставит пред собой партия.

Надо отметить, что Блюмкин работал под фамилией Вишневского и свое инкогнито открыл только мне. Другие, за исключением Андреева, который вместе с ним участвовал в Мирбаховском акте, его настоящей фамилии не знали.

Теоретический спор перешел на личную ссору Блюмкина с Бутяевым, принявшую некрасивый оттенок.

Закончилась эта история тем, что на следующий день Блюмкин, имевший от Ц. К. партии широкие полномочия потребовал отъезда Бутяева обратно в Киев. Мотивировал он свое требование тем, что не может с ним работать. Я и Андреев заявили, что если он пойдет на эту меру, то мы тоже уезжаем. Блюмкину ничего не оставалось делать, как уехать самому. — Он так и сделал.

Место Блюмкина в ревкоме занял т. Андреев.

На первом заседании ревкома мы распределили роли. Ревком разбился на отделы: политический и военный.

Постановили немедленно созвать губернский съезд ревкомов и на нем определить день начала выступлений по всей Подольщине.

Предварительную разработку плана восстания возложили на Бутяева.

У нас оставался на подготовку срок недели три. За это время мы расчитывали, кроме настроений, сложившихся в нашу пользу, создать также и солидную вооруженную силу.

Вся дальнейшая работа пошла чрез отделы.

Несколько слов о политической обстановке того времени.

Все и всех перекрашивалось в Украинский желто-блакитный цвет. Каждому, проживающему на Украине, вменялось в обязанность быть и щирым украинцем. Повидимому, нигде еще и никогда органами власти не прокламировался такой звериный национализм, как это было здесь. Антагонизм между властью и низами нарастал, и начинал приобретать угрожающие формы.

По Украине прокатилась полоса погромов. Пьяные и распустившиеся гайдамаки при каждом случае, когда подвертывались под руку еврейские местечки, разносили их, иногда не оставляя ни одного дома.

Те социальные прослойки, на которые пыталась опереться директория, проявили свою слабость, а их руководители — полную ничтожность и бездарность. Директория искала свою базу. Раздираемая внутренними противоречиями, на крайних полюсах которых стояли с одной стороны Петлюра, а с другой—Винниченко, она, в конце-концов, по образу своему и подобию создала и базу. Я говорю о Трудовом Конгрессе. Это не был обыкновенный буржуазный парламент, составленный из мужей науки и адвокатов, но это не был и орган классовой власти труда. Винниченко и Петлюра пытались впрячь «в одну телегу коня и трепетную лань», но из этого ничего не получилось, кроме какой-то непродуманной мешанины, носившей в своем зародыше внутренние противоречия и страдавшей с младенчества органическим пороком.

Впрочем, из младенческого возраста и не суждено было выйти этому неразумному детищу. Уже в то

время, когда Трудовой Конгресс собирался в Киеве, туда подходили советские войска и угрожали, что вот-вот дадут по шапке. Таким образом, попытка противопоставить Советам, Трудовой Конгресс терпела фиаско на первых же шагах.

На юге Украины к этому времени начал выходить из повиновения Директории Григорьев со своим отрядом. Сведения о том, что он принимает советскую платформу, доносились до нас чаще и настойчивее.

«Ночью — говорят — все кошки серы» и у нас в то время не могло рождаться никаких подозрений относительно Григорьева, хотя бы просто потому, что мы его не знали. Выступил — и хорошо; нам легче будет — так рассуждало большинство работавших в подполье. Да и не единственный на Украине был Григорьев. Чуть ли не ежедневно, то здесь, то там происходили переформирования и расформирования полков. «Неблагонадежность» нарастала там, где ее труднее всего можно было ожидать — в войсках, опираясь на которые Директория стяжала свои лавры.

Имея в своей армии Галицийские полки и сохраняя с Галицией дружеские отношения Директория туда намечала и отступление. Путь к Галиции лежал чрез Жмеринку, которая, таким образом, была для них важным стратегическим пунктом. И уже через несколько дней они стали сюда стягивать свои силы.

На губернском съезде ревкомов были подтверждены наши полномочия и нам придали функции Губернского ревкома.

Днем общего выступления съезда определил двенадцатое февраля, при чем выступления должны были начаться и там, где они не могли расчитывать на полный успех. Исходили при этом из того, что в общей сумме борьбы это будет все-таки плюс и неизбежно отразится на фронте, который несмотря на все, прогибался пока довольно медленно. Правда, Киев был уже взят советскими войсками, но на него вели наступление петлюровцы и им удалось овладеть «Постом Волынским».

Выступление всюду предполагали приурочить между двенадцатью и двумя часами ночи. К этому времени Пет-

люровский командный состав в своем большинстве спивался, что значительно облегчало задачу.

Дальнейшие директивы должны были дать мы.

Положение в Жмеринке определилось к десятому февраля. Неожиданно в течение суток подошло шесть эшелонов Петлюровских войск.

Обсудив создавшееся положение, мы пришли к тому выводу, что надо начинать с Проскурова. Проскуровское восстание неизбежно должно будет оттянуть из Жмеринки некоторые военные части для усмирения, а в оставшихся создаст паническое настроение, пользуясь которым мы выступим и в Жмеринке.

Для усиления Проскуровского ревкома выехали от коммунистов—Снегов, от нас — Бутяев и боротьбистов — Литвиненко.

Я, Маниловский, Андреев, Наталочка, Селянин и Гуминский оставались в Жмеринке с тем, чтобы в первую удобную минуту поднять восстание здесь.

Оставшись в Жмеринке, мы все свои силы бросили на работу среди воинских частей. В первые дни мы уже имели большие успехи. Неудачи на фронте отражались на настроениях армии. Случайно через Наталочку я познакомился с пулеметчиками Слободского полка. Вся пулеметная команда настроена революционно и настроение всего полка не заставляло желать лучшего.

Связь с Слободским полком окрылила нас новыми надеждами. Опираясь на него, мы решили призвать рабочих и крестьян к выступлению. Днем восстания назначили 16-е февраля. Общее командование возложили на Андреева. Я должен был в день восстания вывести Слободской полк и, рассыпавшись в цепь, разоруживать эшелоны. Маниловский и Наталочка выводят рабочих, Андреев и Гуминский крестьян. В этот же день из Винницы в Жмеринку приехала Директория. Захватить Директорию это в сущности означало ликвидировать Петлюровский фронт. Такая задача была полна соблазна и ради ее выполнения можно итти на жертвы.

Условившись на этом плане действий, мы разошлись.

На следующий день в столовой Борухман мы сделали летучее заседание. Наша контр-разведка сообщила, что слух о подготовке восстания распространился широко и нас ищут. Из этого можно было сделать только один вывод, что больше откладывать нельзя.

В этот же день мы разослали в окрестные деревни гонцов, с тем, чтобы завтра к 12 часам ночи они привели к Жмеринке крестьян. Каждому из них точно определили пункт, на котором они должны остановиться в ожидании дальнейших распоряжений.

Вечером каждый из нас был у тех групп, которые он должен был во время выступления возглавить. Особо верных товарищей предупредили о том, что завтра выступаем. Ночью мы собрались последний раз у Маниловского. Осталось нас меньше, чем всегда. Многие под различными предлогами разъехались, некоторые «заболели».

Заседание происходило в атмосфере нервной напряженности. Лишних слов никто не говорил. Условились, что на завтра уже не собираемся, а идем прямо к тем группам, с которыми каждый должен выступить и держим связь через аппарат Андреева, на которого возложено общее руководство операциями.

Такие минуты сближают тех, кто их переживает вместе. Эта интимная близость создалась и между нами. Странно: иногда люди по долгу живут вместе и работают, а тем не менее бывают далеки, далеки друг от друга, а потом вдруг какой-нибудь случай так сродняет их, что навсегда создает какую-то близость и привязанность.

Мне вспомнилась ночь, проведенная с боевиками после разрыва с правыми эсерами.

По дороге домой Андреев меня вызвал на откровенности. Мы близки с ним были давно. Он расказал о ночи, проведенной им с Блюмкиным, накануне убийства Мирбаха, когда они готовились к акту.

Что же произошло за это время в Проскурове?

Приезд туда наших товарищей совпал, как раз с появлением новых воинских частей.

Рабочих в Проскурове нет. Единственная сила, на которую они могли опереться—это 80 человек распропагандированных артиллеристов.

В 12 часов ночи 12-го февраля, члены Проскуровского Ревкома и жмеринчане пришли к этим артиллеристам и арестовали их командный состав, а артиллеристов вывели на улицу. Через 20 минут вокзал находился в руках повстанцев и они уже начинали перебрасывать свои силы в город с тем, чтобы обезоружить воинские части. Весть о восстании быстро облетела весь город. Гайдамаки выскочили из казарм и скрылись за город, но через час перешли в наступление. Вокзал попал под артиллерийский обстрел. К повстанцам никто не примыкал. Расчет на разложившиеся части оказался неверным. „Безумно-храбрым" ничего не оставалось делать, как распустить артиллеристов. Через час в город ворвались гайдамаки и начался погром.

Едва ли в истории еврейских погромов было когда-нибудь что-либо более ужасное. Погромщики ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру и вырезывали поголовно всех, независимо от пола и возраста.

К утру насчитывалось до 1700 челов. убитыми. Улицы были завалены трупами. Кровь на мостовой, кровь на стенах домов, кровь на телеграфных столбах. Кусками человеческого мозга облеплены углы домов и телеграфные столбы.

Так передавали картину Проскуровского погрома очевидцы.

Члены Проскуровского ревкома, за исключением одного, были растерзаны все. Жмеринчан спасло то, что все они находились в одном доме и когда погромщики добрались до него, к ним вышел Литвиненко. Его украинское происхождение и „посвидчиня" с большими полномочиями спасли от погрома этот дом.

Вернулись они в Жмеринку морально и нравственно разбитыми, считая себя невольными виновниками этого погрома.

Встретился я с одним Бутяевым. Видеть других помешали разыгравшиеся в день их приезда события в Жмеринке.

Им нужно было уехать из Жмеринки, т. к. морально они выбыли из строя больше, чем на месяц.

Для отъезда мы послали отыскать им лошадей.

В 12 часов дня 16-го февраля я пошел в Слободской полк с тем, чтобы не возращаться из него до восстания. По дороге я зашел к Маниловскому, который мне сказал—„едва ли представится возможным вывести рабочих“.

— Ну а если мы выведем войска, спрашиваю я.

— Тогда выйдут.

Откладывать выступление было равносильно провокации по отношению к крестьянам, которые должны были к ночи подойти. Волею развития событий надо было этот неравный бой принять. Ну а если выступать, так с честью.

Перед входом в казарму во дворе мне показалось подозрительным то, что валялись неубранными обломки досок и кучи соломы. Но я решил, что происходила уборка. Окончательно я пришел в недоумение тогда, когда увидел, что у входа в пулеметную команду стоит часовой, который меня не пропустил в помещение команды.

Пораженный таким оборотом дела, я повернул обратно, но не успел дойти еще до ворот, как был арестован.

Привели меня в какую-то грязную комнатушку, где, слегка покачиваясь, сидел за столом пьяный офицер. Он начинает меня допрашивать. Выговор чисто русский, что противоречило государственным „традициям“. Повидимому, доброволец и кадет. Перед ним лежит портсигар с золотыми инициалами, какой-то надписью и вензелем. Над вензелем три звездочки; я заключил из этого, что он поручик.

Начался допрос:

— Раскажите, молодой человек, зачем вы сюда пожаловали.

— Я не пожаловал, господин капитан, а меня привели и я сам только что хотел у вас спросить—зачем?— ответил я.

— А откуда вы знаете, что я капитан.

— Так, и сам не знаю. Когда посмотрел на вас, так решил, что вы или капитан или полковник, но полковником назвать не осмелился, так как вы еще молоды.

— Да, да молод. Верно, верно. А все-таки я буду скоро полковником.

— Это очень похоже.

— А ведь вы хороший парень, зачем только большевик, стоило связываться со всякой...

— Я большевик?!—Боже, сохрани, что вы, господин полковник!

— А зачем же вы сюда пришли.

— К брату.

— Кто же вы такой.

— Кооператор. Живу вот здесь недалеко, у священника, можете пройти ко мне проверить.

— Ну политикой-то занимаетесь, кто же вы такой.

— Нет, не занимаюсь. Когда то был правым эсером, работал в союзе возрождения с генералом Герасимовым, полковником Михайловым и другими.

— Как, вы работали с Николаем Гаврилычем. Да это же наш бывший начальник дивизии. Хороший был генерал.

— Прелестный, в униссон ему вторю я.

— Так вы все-таки не большевик.

— Нет.

— Чем же эсеры отличаются от партии Народной Свободы.

— Сейчас ничем.—И кадеты и мы боремся единым фронтом за воссоздание единой неделимой родины. Ну а принципиально у нас есть конечно разногласия.

— Ну хорошо, что вы не большевик. Идите. А мы знаете сегодня расформировали стоявший раньше здесь полк. Шестьдесят человек расстреляли. Мерзавец на мерзавце были. Все большевики.

Я ушел.

Разбита была нужная для восстания последняя надежная опора.

Я зашел к Андрееву и Гуминскому и попросил их вторично разослать по деревням гонцов с предупреждением крестьян о неудачах.

От Андреева я пошел к себе на квартиру.

Ключ от парадной двери находился у меня, священник и его семья пользовались черным ходом. Я прямо из коридора попадал в свою комнату. Пред тем, как

входить к себе, я всегда револьвер прятал в коридоре. Так было и на этот раз. Дверь из коридора в комнату была не на ключе и открывалась без шума. Я в валенках.

Вхожу в комнату без всяких предосторожностей и тут же замираю на пороге.

Из комнаты священника доносится незнакомый голос: „Когда он приехал из Петрограда“.

Второй голос Веры Павловны, дочери священника: он приехал из Одессы, не из Петрограда.

Дальше я не слушал. Быстро подошел к столу и сейчас же уничтожил компрометирующие бумаги. Взял печать. Пытаюсь изорвать ее в клочки, но резина только тянется. С трудом разорвал ее на четыре части. Тихо вышел, сохраняя в руке и лоскутки печати, с тем, чтобы бросить их на улице.

Арестовали меня у самого крыльца. Поднимая руки вверх по их команде, я опустил из рук и лоскутки печати, с таким расчетом, чтобы они падали за моей спиной.

Маневр удался и на этот раз они печати не нашли.

В комнате произвели поверхностный обыск. Забрали книги, портреты: Лаврова, Чернышевского, Михайловского и Некрасова.

Проводил меня один. В дороге он жаловался на скудное житье, говорил, что мне грозит расстрел. Я понимал, что он меня хочет отпустить, если я предложу деньги. Денег я достать мог у коммунистов или боротьбистов, но пойти к ним—означало несомненное предательство, так как агент провожал бы меня до тех пор, пока не получил бы деньги. Поэтому я сделал вид, что не слушаю его.

В арестантском вагоне нас тридцать человек. Лучшего места заключения в Жмеринке нет. Здесь всякий сброд. Сидят за кражу, скандалы, пьянство. Из политических—я один.

Обитатели этого арестного помещения меняются каждый день. Кого быстро освобождают, кого так же быстро расстреливают.

Через освобождаемых за пьянство нескольких человек мне удалось послать записку Борухман и правой эсерке Майнфельд, проживающей в то время в Жмеринке, о своем аресте. Кроме того Литвиненко жил в квартире

Лидии Павловны, второй дочери священника; это давало надежду на то, что организация будет во-время предупреждена и избежит провала. На допросе я выдал себя за правого эсера, но это могло только оттянуть мой расстрел до следующего дня, пока они сделают вторичный обыск. Я вспомнил, что под шкафом остались лежать не обнаруженные при первом обыске приказы по отделам ревкома и его протоколы. Я тогда еще не знал, что Вера Павловна вычистила всю мою комнату и сожгла все бумажки. Такого подвига от нея, стоящей в стороне от движения, я ожидать не мог.

Безнадежность положения создала во мне психологическую реакцию. Работа мысли остановилась; охватило безразличие и апатичность. Впечатлительность, наоборот, сильно увеличилась. Я и сейчас мог бы воспроизвести мельчайшие детали внешней обстановки вагона, в котором я сидел. Помню даже на каком месте и какие лежали окурки.

К вечеру в вагоне осталось десять человек, остальных освободили.

Все стекла нашего вагона защищены решеткой, а одно из них затянуто полотном. Это обстоятельство разбудило мою мысль. Ведь если есть решетка, к чему же нужно было полотно. Повидимому, нет решетки, решил я. А если нет решетки, то разве найдется такое полотно, которое бы я не прошиб теперь ударом головы.

Окно, завешенное полотном, находится от караула в противоположном конце вагона.

Пробуждающаяся мысль начала лихорадочно работать. Чтобы пройти мимо этого окна, я направился в уборную.

В уборной моим глазам представилось новое открытие. Дерево с потолка снято, повидимому, на растопки. Осталась одна железная крыша. В крыше отверстие; на отверстии вместо вытяжной трубы колпак. Я осторожно поднимаюсь вверх, просовываю в колпак руку и пробую силу его стойкости. Держится, но слабо. Повидимому, кто-то до меня разрешал эту задачу и не успел. Без больших, сравнительно, усилий, мне удалось колпак свалить на крышу. Наверху засинело небо, но отверстие так незначительно, что в него едва ли пролезет голова. Посредине отверстия проходит шов, соединяющий листы

железа крыши. Пытаюсь разгибать шов. И эта попытка не проходит даром. Вершка на два—три удается отогнуть края листов железа.

Я вышел из уборной с тем, что, в случае неудачи с окном, использую возможность побега через крышу.

Из уборной я прямо подошел к окну. Остановившись в позе задумавшегося человека, я левой рукой, спрятанной от караула своим туловищем, стал прощупывать окно. И скоро убедился в том, что полотно заменяет собою не решетку, а стекло.

Прошло два часа. Сменился часовой.—При этом еще я не заходил в уборную. Уже ночь. Вагон слабо освещается отблеском, проникающим через окна от уличного фонаря.

Я встал. Подошел к решетке, которая отделяет нас от караула. Попросил спичку у часового. Курить нам не воспрещали. Продемонстрировав пред часовыми свою непринужденность, я с шумом и открыто направился к уборной. Вскочив на окно, я дальше начал отгибать швы, а потом уже и листы железа.

Через пять минут я отогнул лист железа вершка на четыре. Часовой мог скоро прийти; нужно торопиться. Отверстие, как-будто бы уже достаточно. Чтобы легче было пролезть, я снял шубу и осторожно протолкнул ее на крышу. Опираясь в окно ногой и поддерживаясь левою рукою за крючок, я правую руку высунул на крышу, а за ней и голову. Левое плечо уперлось в крышу. Ни вниз ни вверх. Сделав упор другой ногой в ящик, ограждающий водопровод, я с отчаянием ударяю левым плечом в крышу в месте ее шва. Раздался сильный шум. Неудобным движением ноги я разбил стекло. Левое плечо проскочило на крышу, после чего, без труда освободив левую руку, я выскочил на крышу, с которой быстро соскочил вниз и подбежал под вагон, стоящий визави на другом пути. Я был уже на шестом пути, когда раздался первый выстрел. Часовой, повидимому, прежде чем выскочить на улицу пробежал к уборной и этим потерял темп погони.

Через пустыри я прибежал на квартиру к Литвиненко. Он уже уехал, но там была Наталка. У нее на квартире произошел обыск и оставлена засада, так она к своей квартире близко не подходит. Сейчас же мы

пошли в железнодорожное депо. Знакомые железнодорожники поместили меня на паровоз.

Через три часа я отъехал в направлении к Одессе. Пред отъездом сообщили мне, что квартира, где я жил, окружена конным отрядом.

В Бирзуле сменялась бригада. Приходилось с паровоза пересесть в вагон. Я вышел на вокзал купить билет в Одессу. Стал в очередь. В это время на мое плечо кто-то опустил руку. Оглянувшись, увидал пред собой Андреева и Гуминского. Они одновременно со мной бежали с тем же поездом.

Я настаивал, чтобы они со мной поехали в Одессу, но они не согласились. Мы простились. Больше с Андреевым мне встретиться не удалось. Он пробрался к Махно, заболел вскоре сыпняком и умер.

Наша боязнь, что Деревенского, Зеленина и Лесовика Петлюровцы расстреляют не оправдалась. Советские части, занявши Винницу, освободили их.

Так закончились неудачей все попытки организовать внутренний взрыв в Петлюровском тылу. После мы узнали, что наша работа была далеко не бесполезна. О нашем существовании знали давно и долго нас разыскивали, нервничая и ожидая выступлений и покушения на целость Директории.

IV.

В подполье интервенции.

Не желая проходить через контрольно-регистрационный пункт, организованный для проверки приезжающих в Одессу, я соскочил с поезда версты за полторы до вокзала и обходными путями пробрался в город.

Вечером прошел на Земскую, где проживала Дора Романовна. Здесь была наша подпольная квартира, которую в городе знали кажется все, за исключением восемнадцати контр-разведок.

Одесская организация была сильна. Представитель Ц. К. Козлов в ней большой роли не играл. Вел он себя не совсем серьезно и большую часть времени уделял конспирации самого себя.

Центральными фигурами являлись Лидов и Вера Николаевна.

Лидов — еще молодой, но крупного размаха работник, полный энергии, практичный. Он привлек к работе, в военной организации, группу студентов „спартак", которая состояла из левых с.-р., коммунистов и анархистов. Он же редактировал подпольную газету „Борьба".

Вера Николаевна, увлекающаяся, с легким налетом авантюризма, что составляло для подполья незаменимое качество. В самые тяжелые минуты она проектировала различные планы. Правда, они редко осуществлялись, но это не ее вина. Она руководила работой на заводах и фабриках и личными усилиями организовала не мало кружков и боевок.

Знакомиться долго с Одесской организацией мне не приходилось, я хорошо знал ее и качественный и количественный состав. Здесь же было решено, что я направляюсь в военный отдел, которым руководил Лялин.

Кроме положительных сторон у организации было много и недостатков. В работе не было плана и системы. Центральная квартира была перегружена. Военный отдел замирал, так как руководил им Лялин с постели в виду своей болезни. Приходилось начинать работу с устранения этих недостатков.

На следующий день мы назначили расширенное заседание комитета.

Для характеристики общего положения надо отметить, что продвижение Красной Армии временно замедлилось. В бой Петлюрой были введены новые галицийские воинские части и положение на фронте несколько для него улучшилось.

Вблизи Николаева оперировали Григорьев и повстанцы. Против них со стороны Одессы держали фронт сборные войска. Здесь были синегальцы, французы, греки, грузины, поляки и добровольцы. Белые и черные.

Такое многообразие воинских частей отражалось и на построении гражданской власти. Каждая из них пыталась иметь какое-нибудь свое ответвление в их аппарате. И конечно каждая имела собственную контр-разведку. В городе царил какой-то хаос. Одних контр-разведок было восемнадцать!

В чьих руках сосредоточивалась гражданская власть определить трудно. Была, во-первых, управская пятерка, именуемая каким-то комитетом. Входил в нее и правый с.-р. Рутенберг, нашумевший в свое время, в связи с убийством Гапона. Затем был ставленник Деникина, Гришин-Алмазов в должности генерал-губернатора, по существу он вдохновлял всю реакционнейшую политику.

Был еще главнокомандующий французской армии Д'Ансельм, который заявлял всегда, что он никакого отношения к гражданской власти не имеет. Это была разумная ложь.

Несмотря на такое количество властей, а может-быть и благодаря ему, город находился во власти анархии. С пяти часов вечера обыватель прятался по квартирам. Если же находились такие смельчаки, которые рисковали после этого времени выходить на улицу, то их раздевали у дверей квартиры. Никогда еще так не торжествовала одесская [1]) „Малина“, как в эти месяцы.

Грабила „Малина“. Грабили чины „государственной охраны“. Грабили восемнадцать контр-разведок.

Расстрелов по суду почти не было ни одного, но Одесса была насыщена кровью. Сотни рабочих, коммунистов, левых с.-р. и анархистов расстреляны в течение этого периода, и все „при попытке к бегству“.

Пусть кто-нибудь интересующийся достанет какой-нибудь номер Одесской газеты за этот период и просмотрит для проверки. В каждом из них он найдет длинный перечень лиц, расстрелянных за сутки „при попытке к бегству“.

Расстреливали за то, что ты революционер, за то, что ты родственник революционера, сосед революционеру и даже за то, что ты можешь стать революционером.

Ловили на улицах, вытаскивали из квартир. Несколько шагов отводили в сторону и требовали выкуп. Дашь — расстреляют и не дашь — расстреляют. Если попал, то кончено. Оставшиеся в живых завтра прочитают в газете, что ты „пытался бежать“ и убит.

В Одессе давно и долго ждали появления союзников. Путь „избавителей“ буржуазия усыпала цветами. И вот они пришли!

---

[1]) Малиной называются в Одессе притоны налетчиков.

Разочарование захватило не только мещанские круги, но и крупную буржуазию.

Не оправдала союзническая интервенция тех чаяний, которые возлагались на нее.

Мы условились с Лялиным, что для усиления работы надо пригласить в военный отдел т. Скибко. Он еще только отошел от правых с.-р. и изъявил желание работать с нами. Чтобы окончательно условиться об этом, Скибко зашел ко мне утром. Меня не было дома. Вечером он обещал зайти вторично, но не пришел, хотя я ожидал его. На следующий день, развертывая газету, читаю: „При попытке к бегству убит Скибко“. Расстреляли его начальних Слободского района и его два помощника. Комитет постановил ответить на это террористическим актом. За начальником района установили наблюдение, но он через несколько дней исчез.

Один боевик — Кондрат пришел с бумагою в руке на явку и просит написать на бумаге „за попытку к бегству“. Сам он мало грамотен. Ему написали. Через два дня Вера Николаевна сообщила мне, что Кондрат убил одного из помощников начальника Слободского района и приклеил ему записку „за попытку к бегству“.

Долго обсуждался вопрос о постановке террористического акта на Гришина-Алмазова, В конце концов, пришли к заключению, что это надо сделать, не нанося ущерба другой работе и не затрачивая много сил.

Провести акт было поручено мне и Вере Николаевне. Мы два раза выходили с бомбами, но оба неудачно. Первый раз он не приехал, а второй раз мы думали перерезать ему путь на своем автомобиле.

Я вышел с бомбами и простоял два часа, ожидая когда Вера Николаевна подаст автомобиль, но она его не подала: арестовали шофера.

А позднее нам уже было не до Гришина-Алмазова.

Большая часть наших сил и средств уходили на работу среди союзнических войск. Мы приобретали с этой целью специальный шрифт и выпускали соответствующие листовки и обращения к солдатам французской армии.

А в особенности широкую, в этом направлении, работу провели коммунисты. По докладу Николая Ласточкина 50% их сил было брошено на обслуживание французской армии.

Французская армия „разлагалась" и революционизировалась. Барометром определения степени развития наших идей был фронт, на котором падала ее боеспособность.

Второй по степени важности задачей считали подготовку рабочих к вооруженному восстанию. Политически они были к нему готовы. Оставалось провести технически организационную работу.

Закупали винтовки, пулеметы, бомбы, револьверы.

Мы в это время были обладателями катакомб, в которых находился и наш склад оружия и подпольная типография. Там же часто скрывались отдельные работники. Катакомбы эти были известны и чинам государственной охраны, но они туда не показывались, будучи осведомлены о том, что катакомбы укреплены.

Кроме этих видов нелегальной работы, мы время от времени считали нужным проявить себя и в революционном действии, дающем непосредственный результат. Так, например, в ответ на систематические расстрелы рабочих и революционеров мы подняли кампанию за проведение массового террора. Я вступил по этому поводу в переговоры с коммунистами, а Вера Николаевна и Лялин с анархистами.

Коммунисты для практической разработки означенного плана делегировали т. Анулова.

Мы засели за план гор. Одессы, для разбивки его на районы.

Местом операций были избраны центральные улицы, где по вечерам происходило большое скопление офицеров. Эти улицы мы поделили между тремя организациями, в соответствии с их силами. В дальнейшем каждая из организаций должна была вывести на эти улицы свои боевки с тем, чтобы, проходя по улице к пунктам отступления, снимать по дороге высший офицерский состав. Началом выступления условились считать 6 часов. С первым ударом соборного колокола боевики должны были начать метание бомб, отступая по намеченным улицам к Пересыпи и, в случае удачного исхода операции, они превра-

щают свое выступление в боевую демонстранцию, втягивая в нее и рабочих.

Окончально условившись о проведении этой кампании, мы назначили и день, в который она должна быть проведена.

Коммунисты выставляли 130 боевиков, мы 80 и анархисты 50.

В силу большого размаха в работе, а отчасти благодаря внутренней провокации, коммунисты несли большие потери в людях.

Дня за два—три до предполагаемого нами выступления на Пушкинской ул. случился провал их квартиры. Вечером на нескольких автомобилях к дому, где находилась эта квартира, приехала группа пьяных офицеров. На квартире происходило собрание. Все находящиеся здесь в числе одиннадцати человек, в том числе и Жак Елин, были арестованы, прямо с квартиры отвезены за город и расстреляны. Офицера не попытались ознакомиться даже для себя с тем, кого они расстреливают.

Этот провал части своей организации заставил коммунистов перестраивать свои ряды, т. к. в противном случае он мог пойти и дальше.

Кампанию массового террора приходилось отложить.

Мы постепенно начинали разгружать квартиру Доры Романовны и переносить комитет к Яше Грейсеру.

Работа вообще шла полным ходом. Помимо укрепления своих позиций в городе, часть сил была брошена на село. Постоянную работу на селе вели Аня Панкратова, Шура Поселянина и Дурненко. Кроме них высылали разъездных пропагандистов.

В конце февраля мы энергично приступили к возобновлению деятельности совета.

Прошлое этого совета было не велико. Как-то осенью в город на один день ворвались Петлюровцы. Рабочие этот день использовали тем, что создали Совет. После того члены исполкома работали каждый в своей партии. Исполком, как комбинация не существовал. Теперь на объединенном заседании с коммунистами мы пришли к заключению, что исполком необходимо реставрировать.

В помещении одного из профсоюзов мы собрались для обсуждения практических вопросов, связанных с возобновлением работы исполкома. От нас были я и Лидов, от коммунистов Елена Соколовская, Филипп Болкун, Павел Онищенко и Александров, от анархистов Саша Фельдман. Назначили день созыва исполкома и помещение в котором он должен был собраться.

Коммунисты ко дню Созыва исполкома успели понести новую жестокую потерю; у них арестовали Н. Смирнова (И. Ласточкин).

Технически собрание исполкома удалось обставить хорошо. Присутствовало двадцать пять человек. Постановили выпустить известия и избрали президиум, в который вошли: от коммунистов Елена Соколовская, Болкун и Онищенко, от нас—я и Лидов, от анархистов—Саша Фельдман.

Позднее пленум собирался еще раз, но уже пред восстанием и для утверждения положений об отделах.

Президиум выделил два отдела: военный и политический.

В военный вошли: я, Фельдман и Александров, в политический—Савельев, Лидов и Грановский.

Через несколько дней настойчивой работы нам удалось выпустить и широко распространить первый номер „Известий". Этот мелочный, для подпольной работы, сам по себе факт, поднял высоко в глазах рабочих престиж президиума.

Следом за этим блестяще проведена была кампания перевыбора профсовета. Старая цитадель меньшевиков была разбита, прошел объединенный список коммунистов лев. с.-р. и анархистов.

Вскоре за первым номером „Известий" мы выпустили и второй. Во втором уже были помещены наши два приказа. Первым мы обращались к железнодорожникам, предлагая им препятствовать всеми способами подвозу войск на линию фронта, а второй к рабочим о подготовке к вооруженному восстанию.

Командующим боевыми и военными операциями назначили Анулова, заместителем его Лялина, начальником Штаба—Онищенко.

Мы объявили свою организацию на военном положении. Лялин издал приказ о явке всех мужчин—членов партии к своим начальникам отрядов.

---

2 апреля к 12 часам дня по городу распространились слухи о французской революции. В начале об этом говорили осторожно, а к трем часам дня революция принимала все более и более грандиозные размеры. К вечеру она уже сопровождалась уличными беспорядками, падением кабинета Клемансо и установлением Советской власти. Передавали не только о революции, но даже и о тех подробностях, в которых она протекала.

Едва ли какой другой город может оспаривать у Одессы первенство на передачу и искажение всяких слухов.

Как бы то ни было, но во французскую революцию уверовали многие, в том числе и мы.

Вечером на квартире Саши Фельдмана мы собрались в количестве двадцати семи человек. В этот вечер мы игнорировали самые элементарные условия конспирации.

Обсудив создавшееся положение, мы постановили созвать назавтра явочным порядком пленум совета, а на сегодня послали к Д'Ансельму делегацию с требованием приостановить всякие расстрелы политических.

В состав делегации вошли: Елена Соколовская, Чемеринский, Левковский и председатель Совета Болкун.

Город находился на Военном положении, ходить по улицам воспрещалось позднее 10 часов. Делегация вышла в 11 ч. По дороге ее останавливали патрули, опрашивали—и получая в ответ: мы делегаты от совета, посланные на переговоры с Д'Ансельмом, терялись и не зная, что надо делать, пропускали.

Д'Ансельм вначале отказывался делегацию принять, но потом по ее настойчивому требованию принял.

Нужно ли говорить о том, как был он поражен. По той информации, которую ему давали, известно было, что никаких революционеров нет, их всех расстреливают, тем более нет какого-то совета. А тут вдруг пред ним официальные представители от совета для переговоров.

Делегации удалось добиться от него распоряжения не расстреливать никого из политических. Кроме того делегация сообщила, что на завтра явочным порядком

созывается пленум совета и если мол французское командование желает избежать вооруженных конфликтов с рабочими на улицах Одессы, то оно не должно прибегать ни к каким репрессивным мерам по отношению к совету. На этом пункте Д'Ансельм долго упирался и между прочим заявил, что: „хотя вы и добросовестно поработали над разложением моей армии, но тем не менее у меня осталось достаточно верных мне солдат, для того чтобы я в полчаса мог снести Одессу". Делегация ответила на это, что если бы Вы снесли революционную Одессу, то революционный пролетариат Франции утопил бы вас у своих берегов. Д'Ансельм и здесь сдал свои позиции. Он только говорил, что: „до тех пор пока я нахожусь в Одессе власть должна оставаться такою же как она была, но совет может собираться и готовить себя к приятию власти после отъезда интервентской армии".

Таковы были результаты переговоров с Д'Ансельмом.

Заслушав этот доклад от пришедшей делегации мы приняли постановление о выводе всех наличных сил и боевиков на защиту пленума Совета и с этим разошлись.

В час дня на следующий день Лялин дал распоряжение нашим боевикам в одиночку переправиться на Молдаванку и концентрироваться у здания городской аудитории, где должен был заседать пленум.

В три часа я пришел на Молдаванку. За два квартала до городской аудитории меня остановили патрули. По красным ленточкам я узнал своих. Назвался. Пропустили.

У самой аудитории большое скопление рабочих; на крыльце поставлен пулемет.

За полчаса до открытия делегаты были уже в сборе.

Перед открытием пленума началась редкая стрельба. Это поляки повели наступление на совет. Успокоив делегатов мы вышли на улицу и в подкрепление передовых цепей отправили группирующихся здесь рабочих, но этого уже было не нужно. Передовая цепь отбила польскую атаку и продвинулась дальше.

Пленум открылся в повышенной атмосфере. Сохранить деловую обстановку не удалось. Все спешили высказать свои обиды. Говорили больше рабочие—это был их праздник.

По докладу президиума пленум постановил: „Совет раб. депутатов объявляет себя властью и призывает всех рабочих исполнять законные распоряжения его исполнительных органов".

Короче—пленум санкционировал вооруженное восстание.

Кто-то внес предложение вызвать на пленум Д,Ансельма, другие это предложение подхватили. Фельдман и Александров поехали за Д'Ансельмом и через час прибыли с ним на автомобилях.

Д'Ансельму на пленуме не поздоровилось. Позорная роль французского командования была здесь вскрыта полностью.

Он пытался о чем то говорить, но ничего не получилось, кроме того, что они начинают эвакуироваться.

Под мощные звуки интернационала подхваченные сотнями голосов и с пением по улицам города где царствовала черная реакция пленум разошелся.

С пленума Совета мы прошли в профсоюз строительных рабочих и там устроили летучие заседания президиума.

Решено было завтра призвать рабочих к вооруженному восстанию.

Заседание президиума постановили перенести в помещение городской управы. Хотя это и на территории белых, но они едва ли за ночь сумеют установить где мы находимся и скорей будут искать нас в другом месте, ближе к рабочим районам.

Наш партийный штаб перенесли на Пересыпь. А коммунисты свой на Молдованку.

Улицы города замерли. На длинном протяжении в пять—шесть кварталов не встречается ни одной живой человеческой души. Темно. Жуткую тишину изредка прорезывают выстрелы. Ни каких признаков эвакуации белогвардейцев нет.

А по переулкам, как голодные шакалы, еще крадутся контр-разведчики; сегодня у них много работы.

Несмотря на распоряжение Д'Ансельма продолжаются расстрелы при попытке к бегству.

Обыватели замерли от страху.

Мы пять человек пробираемся в час ночи с Молдаванки в помещение городской управы. Громкое эхо от топота ног сопровождает нас. Револьверы на боевом взводе. „Затишье перед грозой“—сказал Лидов.

В думе уже все в сборе. Ни о какой конспирации не может быть и речи. К нам и от нас приходят и уходят. Я послал Лялину записку с просьбой прислать отряд для охраны президиума. Лялин и Орленок приехали сами.

Вся ночь прошла в лихорадочно напряженной работе.

Лялин выехал с отрядом для освобождения из тюрьмы политических, а мы к утру разъехались все по районам.

Лидов к арсеналу, я на Пересыпь. Коммунисты на Молдованку.

Из президиума остались в думе Елена Соколовская, Болкун и Фельдман.

Я приехал на Пересыпь в шесть часов утра. Грейсера, Гринберга и Арутьянца уже там не было и мы еще не знали тогда, что их уже в это время расстреливали, или, во всяком случае, арестовали.

Наш отряд поместился в „доме Трудолюбия“. Мы построились. На верху к городу окопы и в них маячат фигуры греческих солдат. Уклоняясь от них я повел отряд к Пересыпскому району „Государственной охраны“.

Не доходя шагов восемьсот мы рассыпались в цепь и бросились в аттаку. Из района выбросили белый флаг. Послали делегацию. Милиционеры сдали оружие и признали Советскую власть. Мы сейчас же водрузили красный флаг, символ нашей победы. Это имело решающее значение. К нам стали подходить и те, которые еще колебались.

В „доме Трудолюбия“ безпрерывно работал телефон—это различные учреждения и воинские части заявляли себя солидарными с Советской властью и отдавали себя в ее распоряжение.

В одинадцать часов из помещения Городской управы мне позвонил Саша Фельдман. Он сообщил, что все окраины в наших руках, а из Городского района белые начали эвакуироваться, им перерезают путь железнодорожники.

Саша предлагал мне не вступать в конфликт с французскими войсками, так как президиуму удалось договориться с Д'Ансельмом, который обязался в четырехдневный срок вывести из Одессы все свои войска.

В заключение он предложил мне сейчас же приехать на заседание Губисполкома.

В Городской думе и около нее полно рабочих. На расстоянии одного квартала от думы идут добровольческие и польские отряды, в направлении к Французскому бульвару — они эвакуируются.

Я, Фельдман и Александров поехали к Д'Ансельму на крейсер договариться окончательно о портовом имуществе. Встретил нас Д'Ансельм любезно и заявил, что не ожидал совсем, что мы можем проявить так много внутренней дисциплины и самый переворот произвести так организованно.

Мы ему заявили от имени Совета, что все что находится в порту мы не позволим ему вывести, если бы нужно даже было для этого вступить в борьбу с французскими войсками. Д'Ансельм безнадежно махнул рукой, что, повидимому, означало: „мне не до порта".

Город ожил. Всюду на углах стоят патрули, составленные из рабочих. Прекратились грабежи; улицы по вечерам полны народу.

Сотни красных знамен, куда-то глубоко до этого зарытые, вытащены вновь и гордо развеваются над улицами города, как будто стряхивая с себя пыль.

Мы все бродим словно тени. — Трое суток провели без сна.

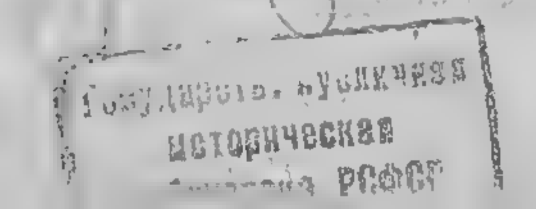
А уже длинной вереницей тянутся различные просители; надо срочно формировать отделы.

Город продолжал радоваться и шуметь. Улица врывалась в рабочий кабинет, бодрила и давала много новых сил для дальнейшей работы.

Будущее таило в себе еще зародыши тревожных симптомов. Мы не знали для чего остановилась на рейде французская эскадра и не знали, что принесет с собой „визит" Григорьевских отрядов, к встрече которых мы подготовлялись.

Но чтобы не произошло в перемене обстановки мы готовы были принять с прежней верой в силу революции и ея конечную победу.

Началась практическая работа революции; ее будни

СКЛАД ИЗДАНИЙ: Москва, Главполитпросвет. ••• КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА: Милютинский пер. 22, уг. Сретенского бульвара, 4-й подъезд, 4-й этаж, кв. 44. ••• ЭКСПЕДИЦИЯ—Сретенка 8 ••• и в книжном магазине Г. П. П. „СЕРП и МОЛОТ". Театральная площадь, 2-й дом Советов (бывш. Метрополь).

